

УДК 94 (4+7)

DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-311-321

Оригинальное исследование

Крестины Елизаветы Тюдор: один день королевского церемониала

Меднис С.С.

Государственный Эрмитаж,

Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34

E-mail: svetlanamednis@gmail.com

Аннотация. Королевские крестины Елизаветы Тюдор – сложный церемониальный комплекс символов и ритуалов. Первая церемония благословения и приобщения к христианской церкви стала важным событием в жизни и легитимации принцессы. Она определяла ее королевский статус, династическую роль и привилегии. Церемония крестин Елизаветы Тюдор основывалась на традиционной католической форме литургических обрядов. Ей соответствовал сложный символический светский спектакль, который служил репрезентацией принцессы и королевской семьи. Атрибуты власти и инсигнии как символы священного таинства сопутствовали королевским крестинам. Среди них – фамильная серебряная купель, позолоченные кувшины, крестильная свеча и солонка. Наконец, королевские крестины Елизаветы Тюдор – это отражение династических и церемониальных статусов при английском дворе второй половины XVI в.

Ключевые слова: Елизавета Тюдор, английский двор, королевские крестины, придворный церемониал, ритуалы власти

Для цитирования: Меднис С.С. 2022. Крестины Елизаветы Тюдор: один день королевского церемониала. *Via in tempore. История. Политология* 49 (2): 311–321. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-311-321

The christening of Elizabeth Tudor: one day of the royal ceremony

Svetlana S. Mednis

The State Hermitage museum,

34 Palace Emb., Saint-Petersburg 191186, Russia

E-mail: svetlanamednis@gmail.com

Abstract. The royal christening of Elizabeth Tudor is comprehensive ceremonial spectacle with the complex of the symbols and rites. This ceremony based on the Blessing and Christian Church inclusion as an important feature in the life and legitimation of the royal child. The ritual destines the Elizabeth Tudor's royal status, dynastic role and privileges. The christening ceremony comprises the traditional Catholic forms. The Sarum Rite demonstrates the ecclesiastical and administrative patters of the sacramental ritual. The royal baptism involves the symbolic secular performance and represents the princess and her crowned family. The richest royal attributes and insignias complete the baptismal spectacle: family silver font, silver-gilt basins, baptismal candle and saltcellar. The rites and rituals of the royal christening have similar elements with coronation order such as the unction, receiving the sacramental gown and oblation. In addition, we can say about the grand public processions enhance this royal ceremony. Finally, the rituals of the christening of Elizabeth Tudor emphasize the private aspects and genealogy of the dynastic ceremonial roles at the English court of the second half of the XVI century.

Keywords: Elizabeth Tudor, English Court, the royal christening, the court ceremonies, ritual of power, baptism

For citation: Mednis S.S. 2022. The christening of Elizabeth Tudor: one day of the royal ceremony. *Via in tempore. History and political science.* 49 (2): 311–321 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-311-321

Введение

Крестины Елизаветы Тюдор – это праздничное и торжественное событие, а их организация и репрезентация представляют интерес с точки зрения реализации церемоний английского двора. Во-первых, королевские крестины обладали ритуалами, подчеркивающими преемственность и легитимацию королевской наследницы и, во-вторых, оставались литургическим обрядом, что подразумевало выявление особых церемониальных переходов, выраженных в едином непрерывном сценарии.

Следует отметить, что в источниках обряды крестин Елизаветы Тюдор представлены как отдельные фрагменты, указывающие на основные процессы церемонии и упоминающие небольшую часть представителей знатных родов. По этой причине в контексте исследования первостепенное значение приобретает реконструкция королевских крестин процессы как целостной и непрерывной идеи – от первых ритуалов и обрядов до заключительных этапов праздничного дня.

Для понимания общей структуры и последовательности крестильного обряда необходимо остановиться на источниках, в которых представлены общие литургические положения и порядок проведения церемонии в XV–XVI вв.

Во-первых, королевские крестины Елизаветы Тюдор проходили в соответствии с Сарумским обрядом (*Sarum missal*). Этот католический порядок был принят в Раннее Средневековье [Spinks, 2006, p. 91–102] и представлял собой традиционный литургический сборник молитв и церковных служб. В нем включен порядок английского церковного крещения, а наиболее важные обряды были связаны с благословлением младенца и ритуалами защиты от злых духов, а также представлением у купели, которое включало омовление и миропомазание. Крестильная церемония сопровождалась гимнами и молитвами.

Во второй половине XV в. Уильям Сей – декан Английской королевской капеллы – описал крестины как королевский ритуал, в котором отразил синтез светского и церковного сценария. Глава, посвященная королевским крестинам сыновей и дочерей английских монархов, была включена в большой сборник *Liber Regie Capelle*, который был издан в 50-е гг. XVI в. [Ulmann, 1961, p. 67–72].

Сценарий содержит три основных этапа. Первый – это преамбула, в которой рассказывается о процессе оформления и украшения церкви, в которой должны были состояться крестины королевского дитя. Уточняется торжественное облачение новокрещенного и описывается ритуал прибытия крестных матерей и знати в королевский замок. Кроме этого, затрагивается торжественная процессия из резиденции в церковь.

Второй этап подразумевал обряды, связанные с благословлением младенца у входа в храм, а также ключевые ритуалы у крестильной купели, которые были центральным сюжетом в таинстве крещения.

Третий и завершающий этап сосредотачивался на преподнесении даров, благодарственных словах и заключительной процессии, когда священники, знать и крестные матери возвращались с младенцем в королевский замок.

При реконструкции крестин Елизаветы I использовались описания церемоний Марии Тюдор [Letters and Papers, 1864, p. 431–435] и Эдуарда VI [Letters and Papers, 1862, p. 318–320] из писем периода правления Генриха VIII. В них упоминались последовательность основных событий и указывались имена персон с церемониальными должностями. Не менее важным являлся фрагмент крестин принцессы Елизаветы с сопровождающими ри-

туалами и частными аспектами церемонии из сборника Дж. Николсона [Nichols, 1823, p. 1–2].

В отечественной историографии аспекты церемониальных пространств рассматривались С.Е. Федоровым [Королевская знать, 2018, с. 178], Н.А. Хачатурян [Концептуальное «собственность», 2020, с. 5–14], А.Ю. Серegiной [Серегина, 2007, с. 3–7], О.В. Дмитриевой [Дмитриева, 2021, с. 113]. В западноевропейской историографии интерпретация ритуалов крестильного обряда династии Тюдоров затрагивалась Д. Старки [Starkey, 2007, p. 86–122] и Б. Спинксом [Spinks, 2006, p. 98].

Объект и методы исследования

В исследовании использовались два метода, которые позволили проследить индивидуальные качества церемонии, ее символические и атрибутивные элементы: историко-генетический и структурный методы. Историко-генетический отражает континуитет традиций церемонии королевских крестин от Раннего Средневековья до Раннего Нового Времени. Структурный метод позволил упорядочить обряды и ритуалы королевских крестин Елизаветы Тюдор, а также просмотреть принципы и особенности светских и литургических переходов между сюжетами.

Результаты и их обсуждение

Реконструкция общих правил и порядка церемониала королевских крестин XV–XVI вв. позволила выявить основные тенденции и ключевые моменты, которые сопутствовали торжественному представлению.

Подготовка к церемонии королевских крестин начиналась в день, когда объявляли о рождении наследного принца или принцессы. Церковь, в которой должно было состояться таинство крещения, украшалась шпалерами из аррасского сукна, олицетворяющими символ принадлежности королевскому роду. Богатый декор расшивался золотыми нитями, а в его основе были заложены библейские и мифологические сюжеты [Hard, 1930, p. 162]. Из аррасского сукна изготавливались шелковые с цветочными элементами ковровые дорожки, которые расстилали от выхода из церкви до алтаря.

Пространство церкви разделялось на три области, каждая из которых украшалась гобеленами или алыми гобеленами. Выбор цвета крестильных знамен зависел от пола королевского дитя.

Первое пространство выстраивалось у главных церковных дверей до центрального нефа и ассоциировалось с этапом, когда крестные родители вместе с королевским наследником в окружении знати входили в храм. Второе – это центральный неф между алтарем и хорами, где устанавливалась серебряная купель или крестильная чаша. Она драпировалась покрывалами, расшитыми драгоценностями, а поверх украшалась маргаритками в знак чистоты и невинности королевского дитя. Внутри купели выкладывались батистовые ткани, расшитые золотыми нитями [Ulmann, 1959, p. 68]. Высокий балдахин устанавливался над крестильной чашей, а две шпалеры – рубинового цвета с изображением ключа, то есть символа источника власти, и из дамасского сатина с золотой каймой и цветочными орнаментами – завершали композицию.

Третье – это «крестильный траверс», сооруженная деревянная ширма с балдахином, которая устанавливалась рядом с купелью и драпировалась коврами и шелковыми тканями. В отделенном от публики пространстве устанавливался накрытый алым сукном стол. На нем подготавливали золотые подсвечники, серебряные тазы и кувшины, а также раскладывали расшитые узорами ткани и салфетки из хлопка. Вокруг для поддержания тепла устанавливали жаровни с разожженным огнем. На протяжении церемонии дамы находились за специальной ширмой и при необходимости ухаживали за новорожденным дитя. Маргарет Бофорт, которая в конце XV – начале XVI вв. восстановила порядок крестин ко-

ролевских детей для внука Артура Уэльского, подчеркнула необходимость устанавливать специальную ширму, за которой ребенка можно было омыть, используя воду с шафраном [Robinson, 1817, p. 122–123].

В день крестин знать собиралась в королевском замке. Перед церемонией крестные матери и камеристки подготавливали младенца, которого пеленали в одеяло, а затем – в расшитый золотом и пропитанный благовониями покров, оплетенный нитями из драгоценных камней [Liber Regie Capelle, 1959, p. 68–69].

После этого дитя передавали крестной матери. Она складывала и придерживала шлейф крестильного одеяла в руках так, чтобы оно не спадало на пол [Liber Regie Capelle, 1959, p. 68–69]. За ней следовали две придворные дамы. Одна из них держала анаволий – белоснежную рубаху, в которую переодевали королевское дитя после таинства крещения. Вторая при необходимости помогала придерживать шлейф крестильного одеяла. После этого крестная мать выходила из комнаты. Она должна была проследовать с новорожденным на руках среди придворных, а затем получить благословление короля, чтобы отправиться в церковь. Далее крестная мать выходила в окружении знати во внутренний двор замка, где четыре рыцаря держали золотой балдахин. Под ним она несла королевское дитя во время процессии в церковь. В шествии участвовали не только придворные, но и капелланы, которые без нот по памяти распевали литургические гимны [Liber Regie Capelle, 1959, p. 69].

Архиепископ, епископы и священники встречали процессию у церкви и по сарумскому порядку в притворе благословляли новорожденного. Архиепископ совершал знак креста над головой и грудью королевского дитя. Зачитывал *The sign of our Saviour* (Знак нашего Спасителя) и затем произносил молитву *Almighty and everlasting God* (Всемогуший и вечный Бог) и совершал экзорцизм – изгнание злого духа, для которого использовалась соль – символ очищения. Архиепископ произносил: *I exorcize you, creature of salt* (Я изгоняю тебя, призывая соль). Он зачитывал строки из Евангелия от Матфея (МФ. 19: 13–15), где говорится о благословении детей. Далее он восклицал «еффафа» (отверзись) и пальцами, обмакнутыми в крупички соли, дотрагивался до ушей, носа и губ младенца, что символизировало беспрепятственную возможность слышать Господа.

В качестве завершения благословления совершался знак креста, и архиепископ произносил формулу *Our Father... Hail Mary, I believe* (Отче наш... «Радуйся, Мария», я верю), которую повторяли священники и знать.

После этого крестная мать с королевским ребенком, знатью и священниками входила в церковь. Они следовали по шелковой дорожке к украшенной цветами и богатыми тканями купели, которая располагалась в центральном нефе. Шествие сопровождалось торжественным гимном *Enter into the Temple* (Вступление в Храм) [Spinks, 2006, p. 100]. Следует отметить, что этот гимн исполнялся не только при крестинах королевского наследника, но и на коронации, когда в окружении прелатов монарх входил в церковь св. Петра.

После того как крестная мать с младенцем на руках проходила в центральный неф, начиналось благословление купели. Ритуал состоял из нескольких этапов. Сначала крестильная чаша наполнялась водой и освещалась знаком креста. После этого архиепископ дул на воду, изгоняя злых духов, а затем окунал свечу-пасхал, от которой после таинства крещения зажигалась детская свеча. После благословления купели архиепископ читал наставление крестным родителям, и начиналась литания – молитва из часто повторяющихся воззваний.

После освящения крестильной чаши следовал ключевой обряд церемонии – погружение или окропление водой младенца. Архиепископ произносил формулу *Receive a white garment* (Получи белоснежное одеяние), и королевское дитя относили за крестильный траверс, где переодевали в анаволий – крестильную рубаху.

Завершалась церемония миропомазанием и преподнесением даров крестным родителям, один из которых – гипокрас – сладкое вино с добавлением королевских пряностей [Меднис, 2020, с. 204]. Церемониальный напиток как королевский символ являлся неотъемлемым элементом праздничных пиров, придворных торжеств, процессий и коронаций.

В конце церемонии крестная мать с ребенком в окружении знати возвращалась в резиденцию. Перед процессией следовали капелланы, которые распевали респонсорий – чередующиеся реплики солиста и хора, а зажженные факелы освещали им дорогу.

После возвращения во дворец крестная мать в окружении родных королевской семьи и клира поднималась в покои королевы. В опочивальне она возвращала младенца матери или передавала королю, если он присутствовал в этот торжественный момент, и архиепископ зачитывал молитву о Троице [Liber Regie Capelle, 1959, p. 69–70]. В завершение к королеве подходили с благопожеланиями и дарами, которые гости по очереди преподносили в честь новорожденного дитя.

Таким образом, последование позволяет проследить общепринятую практику церемонии XV века. Описанный порядок становится базисом, позволяющим просмотреть церемонию крестин Елизаветы Тюдор как единый непрерывный сюжет.

Крестины Елизаветы Тюдор. Елизавета Тюдор родилась 7 сентября 1533 г. в Гринвичской резиденции, в канун праздника Рождества Пресвятой Богородицы, и в соответствии с традицией крестины принцессы были назначены на третий день после дня ее рождения – 10 сентября 1533 г. Незадолго до рождения дочери Анна Болейн переехала в резиденцию, где ей были отведены отдельные покои, украшенные большой шпалерой о принятии христианства святой мученицей Урсулой и одиннадцатью девами [Wogan, 2010, p. 13], богатыми коврами, гобеленам и утварью. В ожидании рождения дитя для предстоящей церемонии крестин новорожденного была сшита новая мантия. Она была выполнена для мальчика [Nichols, 1823, p. 464]. Мантия, в отличие от белоснежных одеяний, была пурпурного цвета с горностаевым мехом – символом королевской власти.

Праздничным утром лорд-мэр и сорок глав городских корпораций, одетые в пурпурные мантии, прибыли в королевскую резиденцию. Они приплыли в Гринвич на лодках, украшенных цветочными гирляндами и геральдическими знаменами. Сэр Стефан Пикок – представитель галантерейной компании королевских тканей – возглавлял церемониальный кортеж. По закону о выборах кандидатов из ливрейных компаний лорд-мэр не мог занимать эту должность больше одного года [Stow, 2010, p. 77], однако в этом статусе на протяжении 1533 г. он принял участие не только в церемонии крестин принцессы, но и несколькими месяцами ранее – в коронации Анны Болейн [Nichols, 1823, p. 37].

Одновременно с прибытием гостей в Гринвич в церкви Францисканцев проводились последние приготовления к торжеству в честь новорожденной принцессы. Согласно традиции Тюдоров, в монастыре проводились праздничные церемонии королевской семьи. Эдуард IV получил от папы Сикста IV право на строительство монастыря на земле, которое в дальнейшем было передано францисканскому ордену [Page, 1926, p. 194–198]. В этой обители в 1491 г. состоялись крестины Генриха VIII, а в 1509 г. – заключение брака молодого короля с Екатериной Арагонской [Page, 1926, p. 195].

Согласно традициям проведения церемонии, в день крестин Елизаветы Тюдор дорога в церковь Францисканцев была украшена arrasскими и дамасскими шпалерами, а путь от Гринвичского замка до францисканской обители был выстелен зеленым ковром [Nichols, 1823, p. 464]. Ткани для торжественных гобеленов были изготовлены в текстильных корпорациях Линкольна, который заимствовал технологию изготовления французского гаруса – шерстяной пряжи для королевского церемониального убранства. В самой церкви, в соответствии с традициями, в центральном нефе на постаменте была установлена серебряная купель, которая находилась на специальном возвышении. Считается, что эта купель использовалась при крестинах принца Артура Уэльского, первенца Генриха VII [Robinson,

1817, р. 126–127]. Она была одной из самых старых и использовалась специально для крестин королевских детей династии Тюдоров.

Начальный этап церемонии подчеркивает состав и представителей придворной знати, а также церемониальные роли городской администрации и представителей английских корпораций. Отдельно выделяется приоритет и региональная принадлежность Гринвича как королевской резиденции, на территории которой располагался архитектурный комплекс, где традиционно проводились семейные торжества династии Тюдоров. Он становится особым пространством – церемониальной сценой праздничной процессии и таинства крещения в церкви Францисканцев.

Символы крестильной процессии. Торжественная процессия, в которую входили крестные матери, высшая знать государства и представители административных должностей, начиналась из королевской резиденции. Сначала следовала колонна по два представителя от городских корпораций. За ними – джентльмены, эсквайры и королевские певчие, а далее – олдермены, лорд-мэр и представители тайного совета. Завершали шествие королевский духовник, бароны и епископы.

Вторая группа выстраивалась в соответствии с иерархией от старших к младшим представителям знатных английских родов [Королевская семья, 2018, с. 74]. Придворные выносили символические атрибуты, которые использовались во время церемонии крестин Елизаветы Тюдор. Предметы отвечали идее репрезентации королевского дома [Дмитриева, 2021, с. 223]. Кроме этого, во время процессии прослеживалась взаимосвязь с семейными узами, что придавало предметам особое церемониальное значение.

Генрих Бушер, граф Эссекса, который считался потомком Плантагенетов, открывал процессию. Его участие демонстрировало взаимосвязь новорожденной принцессы Елизаветы с предшественниками династии Тюдоров. Генриху Бушеру отводилась роль вынесения серебряного крестильного кувшина с закрытой крышкой. Из этого сосуда купель наполняли водой во время благословления перед крестинами, что обладало отсылками к символам и значениям святого источника. Генрих Бушер выступал в качестве посредника: с одной стороны, он был одним из самых почитаемых представителей королевской семьи, и с другой – персоной, которая отвечала за начало церемонии. Кроме этого, подобные кувшины прежде использовались на церемонии Артура Уэльского – брата Генриха VIII, что также подчеркивало легитимацию принцессы Елизаветы.

За графом Эссекским следовал Генрих Кортни, который обладал политическим влиянием при дворе Генриха VIII, а его происхождение позволяло ему претендовать на английский престол, так как он был потомком Эдуарда IV. Как один из важных представителей рода, во время процессии он нес крестильную детскую свечу, которая являлась символом духовного света и зажигалась от свечи-пасхала [Letters and Papers, 1882, р. 449–466]. Символ обладал как церковным, так и светским значением. Зажженная свеча олицетворяла не только приобщение королевского дитя к христианской церкви, но и его начало церемониального пути как наследника английского трона.

За маркизом Эксетера следовал представитель древнего рода Генрих Грей, отец леди Джейн Грей [Lisle, 2009, р. 352]. Он выносил золотую солонку, в которой была насыпана измельченная соль – христианский символ источника жизни и богатства, которая расценивалась и как знак очищения. Раннее упоминание использования соли как церемониального элемента относится к римским обрядам [Latham, 1982, р. 164–165]. Символ связан с благословлением катехуменов – лиц, которые готовились принять таинство крещения и вступить в церковь. Во время крестин архиепископ обмокал щепоткой соли губы королевского дитя, что являлось символом защиты от злых духов.

Последней представительницей древних английских родов была Леди Мэри Фицрой [Southall, 1994, р. 316]. Она несла анаволий – крестильную сорочку из тонкого хлопка с жемчугом и драгоценными камнями.

Так, можно проследить, что выстраивается церемониальная взаимосвязь между представителями родов и сакральными предметами, которые играли ключевую роль при крещении в церкви новорожденного королевского дитя.

К третьей группе относились те, кто сопровождал принцессу Елизавету – крестные матери, близкие родственники и фавориты, приближенные к королевской семье. Среди придворных при Генрихе VIII приоритетное положение оставалось у Говардов, по этой причине на роль крестной матери принцессы Елизаветы Тюдор была выбрана представительница из этого рода – Агнесс Норфолк. Во время процессии герцогиня несла девочку на руках, а сопровождал ее граф-маршал Томас Говард, который в знак своего статуса и положения держал маршальский жезл.

Агнесс Норфолк вместе с новорожденной следовала в церковь под пурпурным балахином, который держали четыре рыцаря: Уильям Говард, Томас Говард, Джордж Болейн и барон Джон Хасси. Чарльз Брэндон, герцог Саффолк, сопровождал герцогиню. Среди приближенных королевской семьи в процессии принимали представители других родов, участие которых соответствовало домениальным интересам короны. Анна Бланнерхассет – представительница старинного англо-ирландского рода [Montgomery, 1976, 135–136], графиня Кентская, следовала за герцогиней Норфолк и придерживала длинный шлейф пурпурной мантии принцессы. Манориальный сюжет усиливался при участии Эдуарда Стенли, графа Дерби, который являлся главой острова Мэн – государства, расположенного между Англией и Ирландией. Кроме этого, церемониальное участие графини Кентской расценивалось как символ покровительства графства, из которого происходили родственники Елизаветы Тюдор по материнской линии. Томас Болейн, который родился в замке Хифер – резиденции Болейн в Кенте, следовал в процессии и помогал Анне Бланнерхассет держать шлейф крестильной мантии своей внучки.

Процессия в церковь Францисканцев обладала значением, при котором символические атрибуты фигурировали в соответствии с их появлением при крещении – от кувшина со святой водой до анаволия. Кроме этого, символы предвосхищали сценарий таинства, а представители знатных родов становились неотъемлемыми участниками частной королевской церемонии.

Крещение. На протяжении этапа благословения и вступления в церковь Агнесс Говард находилась рядом с принцессой. Однако не только она одна выступала в качестве крестной матери Елизаветы Тюдор. На королевской церемонии крестин их насчитывалось до четырех персон. По традиции двое крестных родителя – одноименного пола, а один – противоположного – принимали участие в сопровождении королевского дитя [Fisher, 2007, p. 157]. По этой причине, помимо Агнесс Говард, крестными родителями Елизаветы Тюдор были выбраны маркиза Маргарет Уоттон и архиепископ Томас Кранмер. Они находились с принцессой на протяжении процессии и были свидетелями таинства крещения. Крестный родитель одного пола участвовал в миропомазании новокрещенного и являлся восприемником от купели Крещения. Его роль заключалась в том, что он принимал младенца у купели, чтобы перенести его за крестильный траверс, где затем присутствовал при переодевании новокрещенного в священный анаволий. Эта церемониальная должность при крестинах Елизаветы Тюдор принадлежала Гертруде Кортни, что вновь обладало отсылками к идее происхождения и приобщения к знатному старому роду новорожденной принцессы.

Помимо положения крестных родителей в церемонии Елизаветы Тюдор немаловажный интерес представляет ключевой этап таинства крещения, которое сопровождалось богатым символическим и литургическим наполнением.

После того как крестные родители с принцессой на руках проходили в центральный неф, они останавливались у серебряной купели, а вокруг постамента по четырем сторонам стояли рыцари. На них были завязаны запоны – церемониальные фартуки треугольной или трапециевидной формы белого цвета как символ чистоты и невинности. Еще одним

атрибутом являлись символизирующие святую воду полотенца, которые были перекинуты через их шеи. В соответствии с церемониальной должностью, что прослеживалось в элементах одежды, оруженосцы охраняли купель, следили за порядком и наблюдали, чтобы во время совершения крещения только епископ и крестные родители с младенцем находились под балдахином. По всей видимости, их роль рыцарей обладала, в том числе, мифологической символикой, так как прообразы защитников источника или родника можно проследить в средневековом литературном жанре. Одно из упоминаний прослеживается в артуровском цикле, где одним из сюжетов было существование посредников между водной стихией, например, озерной Девой или хранителями родников, и придворным миром. Согласно одной из легенд, король Артур сломал свой меч в битве с воином Пелинором, который считался рыцарем источника [Kaufman, 2007, p. 56–58].

После того как в окружении оруженосцев перед крестными родителями с младенцем Джон Стокли освятил купель и провел ритуалы благословения, совершалось первое помазание принцессы, за которым следовало погружение или окропление водой из купели. При Тюдорах существовало два способа проведения ритуала. Первый – погружательное крещение, при котором происходило однократное или трехкратное окунание новокрещенного с головой. Второй – обливательное, которое наиболее часто использовалось при младенческих крестинах. Согласно упоминанию антиквара Уильяма Дагдейла [Паламарчук, 2015, с. 292], в истории Британских островов полное погружение младенца как наследие римских традиций присутствовало в церемониях XI в. Однако после крестин принца Этельреда был совершен окончательный переход к обливательному крещению, так как кратковременное трехкратное погружение не соответствовало торжественности церемонии [Robinson, 1817, p. 409–410].

После крещения следовала церемония помазания. Это был важный церемониальный обычай, так как он обладал взаимосвязью с будущей коронацией, которая по смыслу означала перерождение и переход королевской наследницы в новый статус. Этот момент при крестинах усиливался переодеванием в священный анаволий, что также обладало аналогиями с коронационным миропомазанием, до которого королева переодевалась в светлые одежды [Nichols, 1823, p. 1–2]. После прочтения главы из Евангелия архиепископ Кентерберийский Томас Кранмер использовал миро – состав масел, в состав которого входил елей. Оно придавало торжественности и царственности ритуалу крещения. По отношению к королевским детям, предполагаемым наследникам, миропомазание называлось первым, так как второе совершалось на церемонии коронации. По этой причине именно Томас Кранмер участвовал в обряде конфирмации, а не Джон Стокли, епископ Лондона. Именно архиепископ Кентерберийский совершал обряд помазания английских королей. Во время миропомазания рядом с принцессой находилась восприемница – Гертруда Корни, которая выступала свидетельницей обряда, а кроме этого, олицетворяла, в противоположность церковному обычаю, секулярный мир и представляла королевский род Елизаветы Тюдор.

В завершении церемонии зажигалась детская крестильная свеча и на алтарь возлагали церемониальные дары. Сначала крестные родители преподнесли чаши, которые символизировали изобилие и здоровье, – золотые и серебряные кубки, а также чаши, украшенные жемчугом. Затем придворные по очереди дарили конфеты и вафли, и на возвращении в королевскую резиденцию и благопожеланиях Анне Болейн в честь новокрещенной дочери заканчивалась торжественная церемония крестин принцессы Елизаветы.

Заключение

Реконструкция королевских крестин Елизаветы Тюдор позволила изучить традиции и форму церемонии, ознакомиться с ее символическими и сакральными этапами, а также

стала важной ступенью для рассмотрения в перспективе семиотических и мифологических заимствований и взаимосвязей в придворных ритуалах и процессиях королевы.

Закрепление определенных символических и литургических сюжетов в церемонии крестин Елизаветы Тюдор позволяет провести аналогии с ее коронацией, что определяет таинство крещения не как отдельный обряд приобщения к христианской церкви и королевской семье, а как один из связующих элементов на церемониальном пути наследницы престола.

Существенным моментом является статус и роль титулованной знати в церемонии крестин. С одной стороны, происходит обновление придворного окружения, на что указывает процесс инкорпорирования молодых придворных из знатных семей в состав именитых родов. С другой, церемония отражает постоянство и стабильность в отношении ключевых представителей из окружения династии Тюдоров.

Королевские крестины Елизаветы Тюдор – это церемониальный комплекс обрядов и символов, которые служили репрезентацией английского двора. В некотором смысле, это был способ демонстрации и закрепления принадлежности королевской семьи как группы, которая отличалась по привилегиям и правовому положению. Несмотря на то, что королевские крестины Елизаветы Тюдор по сравнению с другими ритуалами обладали большей камерностью и затрагивали аспекты частной жизни двора, они были важным звеном в церемониальном сценарии на протяжении будущего становления, правления и легитимации английской королевы.

Список литературы

- Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья. 2020. Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., Алетейя, 412.
- Королевская семья и церемониальное пространство раннестюартовской монархии. 2018. Под ред. С.Е. Федорова. СПб, Алетейя, 488.
- Меднис С.С. 2020. Музыка сфер: Коронационный пир Елизаветы Тюдор. В: Известия Саратовского ун-та. Серия История. Международные отношения, 20 (2): 199–208.
- Паламарчук А.А. 2015. Цивильное право в Раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб., Алетейя, 326.
- Парламент и политическая культура Англии второй половины XVI – начала XVII в. 2021. Под ред. О.В. Дмитриевой. М., Квадрига, 1112.
- Серегина А.Ю. 2007. Верность королеве и долг католика: крещение Мэри Браун (1594 год). В: Средние века, 68 (2): 5–33.
- Borman T. 2009. Elizabeth's Women. The Hidden Story of the Virgen Queen. L., Vintage of London, 450.
- Burke's Irish Family Records. Genealogical Histories of Notable Irish Families. 2007. Ed. by Hugh Montgomery-Massingberd. L., Burkes Peerage Ltd, 376.
- Fisher J. 2007. Christian Initiation: Baptism in the Medieval West. Chicago, Hillenbrand Books, 240.
- Hard F. 1930. Spencer's «Clothes of Arras and of Tour». Studies in Philology, 27 (2): 162–185.
- Kaufman A. The Law of the Lake: Malory's Sovereign Lady. Arthuriana. 17 (3): 56–73.
- Latham J. 1982. The Religious Symbolism of Salt. Théologie historique, 64: 164–165.
- Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1864. Ed. by J. Gairdner. Vol. 2. Pt. 1. L., Cambridge University Press, 512.
- Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1882. Ed. by J. Gairdner. Vol. 6. L., Cambridge University Press, 610.
- Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1862. Ed. by J. Gairdner. Vol. 12. Pt. 2. L., Cambridge University Press, 533.
- Liber Regie Capelle. A Manuscript in the Biblioteca publica. 1959. Ed. by W. Ullmann. L., Henry Bradshaw Society Publication, 312.
- Lisle L. 2009. The Sisters who would be Queen: Mary, Katherine, and Lady Jane Grey. A Tudor Tragedy. L., Harper Collins UK, 419.
- Nichols J. 1823. The Progresses and Public Procession of Queen Elizabeth: Vol. 1. Oxford, Oxford University Press, 554.

- Page W. 1926. *The History of the County of Kent*. L., St. Catherine Press, 521.
Robinson R. 1817. *History of Baptism*. Boston, Lincoln & Edmunds, 653.
Southall R. 1994. Mary Fitzroy and 'O Happy Dames' in the Devonshire Manuscript. *The Review of English Studies*. 45 (179): 316–317.
Spinks B. 2006 *Early and Medieval Rituals and Theologies of Baptism*. Oxford, Ashgate Publishing Limited, 204.
Starkey D. 2007. *The Struggle of the Throne*. San Francisco, Harper Collins, 298.
Stow J. 2010. *A survey of the cities of London and Westminster*. London, Galle Ecco, 912.

References

- Koncept-javdenie «sobstvennost'» v obshhestvennoj strukture zapadnoevropejskogo Srednevekov'ja [Concept-phenomenon «property» in the social structure of the Western European Middle Ages]. 2020. Pod red. N.A. Hachaturjan. SPb, Aletejja, 412 (in Russian).
Korolevskaja sem'ja i ceremonial'nye prostranstvo rannestjuartovskoj monarhii. Pod red. S.E. Fedorova [The Royal Family and the Ceremonial Spaces of the Early Stuart Monarchy]. 2018. SPb, Aletejja, 488 (in Russian).
Mednis S. S. 2020. Muzyka sfer: Koronacionnyj pir Elizavety Tjudor [Music of the Spheres: Elizabeth Tudor's Coronation Feast]. In: *Izv. Sarat. un-ta. Serija Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Proceedings of the Saratov University. Series History. International relationships], 20 (2): 199–208 (in Russian).
Palamarchuk A.A. 2015. *Civil'noe pravo v Rannestjuartovskoj Anglii: instituty i idei* [Civil Law in Early Stuart England: Institutions and Ideas]. SPb, Aletejja, 326 (in Russian).
Parlament i politicheskaya kul'tura Anglii vtoroj poloviny XVI – nachala XVII v. 2021. Pod red. O.V. Dmitrievoj. M., Kvadriga, 1112.
Seregina A.Ju. 2007. Vernost' koroleve i dolg katolika: kreshhenie Mjeri Braun (1594 god) [Loyalty to the Queen and the Duty of a Catholic: Mary Brown's Baptism (1594)]. In: *Srednie veka* [Middle Ages], 68 (2): 5–33 (in Russian).
Borman T. 2009. *Elizabeth's Women. The Hidden Story of the Virgen Queen*. L., Vintage of London, 450.
Burke's Irish Family Records. Genealogical Histories of Notable Irish Families. 2007. Ed. by Hugh Montgomery-Massingberd. L., Burkes Peerage Ltd, 376.
Fisher J. 2007. *Christian Initiation: Baptism in the Medieval West*. Chicago, Hillenbrand Books, 240.
Hard F. 1930. Spencer's «Clothes of Arras and of Tour». *Studies in Philology*, 27 (2): 162–185.
Kaufman A. *The Law of the Lake: Malory's Sovereign Lady*. *Arthuriana*. 17 (3): 56–73.
Latham J. 1982. *The Religious Symbolism of Salt*. *Théologie historique*, 64: 164–165.
Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1864. Ed. by J. Gairdner. Vol. 2. Pt. 1. L., Cambridge University Press, 512.
Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1882. Ed. by J. Gairdner. Vol. 6. L., Cambridge University Press, 610.
Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII. 1862. Ed. by J. Gairdner. Vol. 12. Pt. 2. L., Cambridge University Press, 533.
Liber Regie Capelle. A Manuscript in the Biblioteca publica. 1959. Ed. by W. Ullmann. L., Henry Bradshaw Society Publication, 312.
Lisle L. 2009. *The Sisters who would be Queen: Mary, Katherine, and Lady Jane Grey. A Tudor Tragedy*. L., Harper Collins UK, 419.
Nichols J. 1823. *The Progresses and Public Procession of Queen Elizabeth: Vol. 1*. Oxford, Oxford University Press, 554.
Page W. 1926. *The History of the County of Kent*. L., St. Catherine Press, 521.
Robinson R. 1817. *History of Baptism*. Boston, Lincoln & Edmunds, 653.
Southall R. 1994. Mary Fitzroy and 'O Happy Dames' in the Devonshire Manuscript. *The Review of English Studies*. 45 (179): 316–317.
Spinks B. 2006 *Early and Medieval Rituals and Theologies of Baptism*. Oxford, Ashgate Publishing Limited, 204.
Starkey D. 2007. *The Struggle of the Throne*. San Francisco, Harper Collins, 298.
Stow J. 2010. *A survey of the cities of London and Westminster*. London, Galle Ecco, 912.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.10.2021

Received 03.10.2021

Поступила после рецензирования 28.02.2022

Revised 28.02.2022

Принята к публикации 01.03.2022

Accepted 03.03.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Меднис Светлана Сергеевна, младший научный сотрудник, Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

Svetlana S. Mednis, research assistant, The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

 [ORCID: 0000-0002-7575-9607](https://orcid.org/0000-0002-7575-9607)